

А. П. Мартемьянов

Из истории крестьянства фракийских земель в первых веках н. э.

Одной из характерных черт социально-экономической жизни сельского населения Римской империи принято считать *круговую поруку* — коллективную ответственность крестьян за уплату налогов и несение повинностей [1, с. 92, 95, 96; 2, с. 52–53]. Наличие в селах этого «специфически общинного института» [3, с. 112] можно было бы расценивать как веский довод в пользу общинной организации деревенских жителей. Однако на сегодняшний день существование круговой поруки крестьянства для большинства провинций Рима не является установленным фактом. В свое время Е. М. Штаерман, в подтверждение мысли о том, что в Римской империи «все сельчане были обязаны *коллективной ответственностью* перед собственником земли» (курсив мой — А. М.), обратила внимание на юридические тексты (СІ, IV, 65, 13; XI, 65, 2; Dig., L, 15, 5pr.), в которых идет речь об уплате податей и несении повинностей, связанных с индивидуальной или совместной арендой земли [1, с. 95]¹. Согласно этим предписаниям римских юристов, арендаторам надлежало вносить положенные платежи, в зависимости от условий аренды, либо индивидуально, либо *сообща*. Но это обстоятельство, если и подтверждает *возможность* существования круговой поруки, *не доказывает* ее повсеместного распространения. Получить *конкретное* представление о том, была ли характерна круговая порука сельских жителей для той или иной области Империи, можно только на основании анализа свидетельств происходящих оттуда исторических источников. Попытаемся выяснить, насколько правомерно говорить о существовании коллективной ответственности крестьян за выполнение возложенных на них обязанностей в селах Нижней Мезии и Фракии — восточнобалканских провинций Рима, где, по мнению многих исследователей, в первых веках н. э. унаследованные от более раннего времени общинные традиции были особенно прочны [2, с. 94, 143; 5, р. 252, 344–345; 6, с. 231; 7, с. 43–44; 8, с. 90–92, 134–136; 9, с. 302–304; 10, с. 24–25 и др.; ср. 11, с. 156–164].

Обращаясь к вопросу о круговой поруке сельского населения фракийских земель в первых веках н. э., обычно оперируют сведениями трех надписей. Это датированная последними годами правления Антонина Пия [12, р. 146–148; ISM, I, р. 493] петиция к наместнику Нижней Мезии Юлию Северу² кометов «земли (или села [v.: 13, р. 382;

¹ Иначе интерпретирует эти тексты А. Р. Корсунский, по мнению которого, они не содержат сведений ни об общине, ни «о каких-либо отношениях, выходящих за рамки принципа общего владения группы лиц, присущего римскому праву» [4, с. 57–58, прим. 27, 28].

² Надпись начинается обращением к императору Антонину Пию (ISM, I, № 378, vss. A 1–6), однако прошение, текст которого затем приводится, было адресовано Юлию Северу (ibid., vss. A 6–9).

IGBR, V, p. 381]) *δαζοβ*» — ΧΟΡΑΔΑΓΕΙ [13, p. 371, fig. 1A] или ХОРА ΔΑΓΕΙ¹, в окрестностях западнопонтийского города Истрия (ISM, I, № 378); прошение, направленное в 238 г. н. э. Гордиану III жителями села *Скантопара* на территории города Пауталия (IGBR, IV, № 2236; cf.: IGBR, V, № 5872); эдикт императорского легата Фракии от 202 г. н. э. о создании или реорганизации [15, с. 116; 16, с. 167] на землях города Августа Траяна² эмпория *Пизос* (IGBR, III(2), № 1690; cf.: IGBR, V, № 5601). Все эти надписи относятся к числу наиболее известных эпитафических памятников фракийских земель, имеют долгую историю изучения и неоднократно комментировались авторитетными специалистами (v.: IGBR, III(2), p. 103–104; IGBR, IV, p. 198–199; ISM, I, p. 490 e. a.). Поэтому, не останавливаясь на их содержании в целом, обратимся непосредственно к анализу тех фрагментов, которые привлекают внимание исследователей в связи с рассмотрением вопроса о круговой поручке.

Е. М. Штаерман усматривала подтверждение существования сельской общины на территории восточнобалканских провинций Рима в надписи из Хорадагей. Анализируя текст жалобы, она обращает внимание на то, что просители именуют себя *литургами*, а этот термин, отмечает исследовательница, связан «именно с *круговой ответственностью* за взнос податей и т. п.» (курсив мой — А. М.) [6, с. 229; 7, с. 44]. Заметим, однако, что основанием для такого наблюдения мог послужить только предложенный автором первой публикации прошения Й. Стояном вариант реконструкции словосочетания $\pi\epsilon\upsilon\eta\tau\alpha\varsigma \lambda\iota\tau\omicron\upsilon\rho\gamma\omicron\upsilon\varsigma$ ³ в 7–8 строках третьей части надписи [12, p. 144]. Между тем, сам румынский ученый считал вполне допустимой возможность иного восстановления утраченной части второго из приведенных слов, а именно $\lambda\iota\tau\omicron\upsilon\rho\gamma\omicron\upsilon\varsigma$, причем, по его мнению, смысл текста в этом случае существенно не меняется [12, p. 146; 13, p. 378–379, n. 19]. Б. Геров же, полемизируя с Е. М. Штаерман, высказывает скептическое отношение к предположению, что просители из Хорадагей называли себя $\lambda\iota\tau\omicron\upsilon\rho\gamma\omicron\upsilon\iota$. Наиболее вероятным дополнением поврежденного существительного ему представляется $\alpha\upsilon\tau\omicron\upsilon\rho\gamma\omicron\upsilon\iota$, что, по мнению Б. Герова, «тоже хорошо увязывается с предшествующим $\pi\epsilon\upsilon\eta\tau\alpha\varsigma$ и означает «мелкие люди (*болг.* дребни хора), которые сами обрабатывают свои парцеллы земли» [15, с. 136, заб. 15]⁴.

Можно ли отдать предпочтение какому-либо из приведенных дополнений? Приходится отметить, что ни одно из них нельзя считать достаточно обоснованным. Дело в том, что край надписи с начальными буквами слова, заканчивающегося на $-\rho\gamma\omicron\upsilon\varsigma$, полностью сколот [13, p. 370, fig. 2; p. 371, fig. 1 (imago photogr.)], а общий смысл текста допускает *любое* из упомянутых толкований этого существительного, но — не более, чем *гипотетически* возможное. Кстати, даже если речь в надписи действительно шла именно о *литургах* (а, на наш взгляд, единственным и, к тому же, не очень надежным, дополнительным доводом в пользу этого может служить лишь упоминание в прошении возложенных на жителей Хорадагей *литургий*), это, видимо, еще не означает, что именовавшие себя так крестьяне были, как полагала Е. М. Штаерман, непременно связаны круговой поручкой. Разумеется, в принципе, такая возможность

¹ У исследователей нет единого мнения относительно того, как воспроизводить это название — в одно или в два слова [ISM, I, p. 493–494; IGBR, V, p. 381; 14, p. 143–144]. Поэтому используемая нами в тексте форма *Хорадагей* условна.

² Предположение об административной принадлежности Пизоса к территории Августы Траяна недавно нашло документальное подтверждение в надписи из с. Самуилово, община Стара Загора [17, с. 206–208, 210, обр. 1].

³ Написание $\lambda\iota\tau\omicron\upsilon\rho\gamma\omicron\upsilon\varsigma$ соответствует употребляемой в надписи форме слова $\lambda\iota\tau\omicron\upsilon\rho\gamma\omicron\upsilon\iota$ (ISM, I, № 378, vss. A 14; B 16).

⁴ В другой работе Б. Геров переводит словосочетание $\pi\epsilon\upsilon\eta\tau\epsilon\varsigma \alpha\upsilon\tau\omicron\upsilon\rho\gamma\omicron\upsilon\iota$ как «бедняки, которые сами обрабатывают свою землю» [18, с. 198].

существовала. Однако показательным в этом отношении представляется тот факт, что у многих признанных специалистов, трактующих на страницах авторитетных изданий слово *leitourgos* в контексте его употребления в источниках, ни в одном из известных значений данный термин с понятием круговой поруки не ассоциируется [19, p. 1095; 20, Sp. 1871–1872; 21, с. 1017; 22, S. 83; 23, p. 619; 24, p. 1036–1037 e. a.]. Таким образом, жалоба кометов Хорадагей прямых указаний на существование объединявшей просителей коллективной ответственности за выполнение литургий и ангарий не содержит и поэтому служить надежным основанием для вывода о наличии в селах восточнобалканских провинций круговой поруки не может.

К надписям из Скаптопары и Пизоса обращается в связи с вопросом о круговой поруке Б. Геров — едва ли не единственный авторитетный специалист, по сути, отрицавший возможность сохранения во фракийских землях в первых веках н. э. общинного землевладения, а, следовательно, и сельских общин. По его словам, «четким данным археологического, эпиграфического, нумизматического и даже литературного характера об имущественной дифференциации, которая имела различные степени во фракийском селе в римскую эпоху, не могут быть противопоставлены никакие серьезные доводы в пользу общинного владения землей» [15, с. 139]¹. Аргументируя это заключение, Б. Геров, в частности, отмечает, что ни прошение скаптопаренцев, ни Пизосский эдикт не подтверждают мнение о коллективной ответственности сельского населения за уплату налогов: «В первой надписи говорится об уменьшении доходов государства от поступления податей (*данъци*) и платежей (*такси*) от села вследствие бегства крестьян, что при коллективной ответственности невозможно, а во второй надписи — об индивидуальном освобождении от известных обязательств. И в обеих надписях имеется в виду село (соотв. торжище) не как целое, а как состоящее из юридически самостоятельных лиц, с их правами и обязанностями по отношению к государству» [15, с. 139–140].

Комментарии Б. Герова, несомненно, заслуживают внимания. Думается, можно согласиться с тем, что надпись из Пизоса не дает оснований говорить о наличии во фракийских селах круговой поруки. И дело не только в том, что, согласно эдикту наместника Фракии Квинта Сициния Клара, добровольно переселившиеся из окрестных сел в эмпорий крестьяне освобождались от некоторых обязательств (IGBR, III(2), № 1690, vss. e50–62), как лаконично отмечает Б. Геров, *в индивидуальном порядке*. Показателен сам факт массового предоставления таких льгот переселенцам из многих сел. Не все имена крестьян, перебравшихся в Пизос, сохранились (v.: IGBR, III(2), tab. 68–92), но и уцелевшая часть их перечня содержит около 160 имен, причем о некоторых кометах говорится, что они переселяются в эмпорий с братьями (IGBR, III(2), № 1690, col. b–d). Только из Бадзопары в Пизос переехало около 80 человек (ibid., vss. c40–d61) и, таким образом, село одновременно лишилось значительной части жителей. Если кометы действительно были связаны круговой порукой, столь существенный отток населения должен был серьезно осложнить положение оставшихся сельчан. Между тем, декларированное эдиктом частичное освобождение переселенцев от повинностей свидетельствует о том, что власти Фракии не только не препятствовали переселению крестьян, но и, не забывая об участии их бывших односельчан, в определенных случаях даже поощряли его. Все это не соответствует представлениям о коллективной ответственности деревенских жителей за выполнение возложенных

¹ Правда, в небольшой своей поздней статье справочного характера Б. Геров высказывает на этот счет менее категорично, неоднократно употребляет термин «сельская община» применительно к фракийским землям первых веков н. э. и отмечает, что там «в течение римской эпохи *медленно тают* остатки родовых и соседско-территориальных общинных связей» (курсив мой — А. М.) [18, с. 198].

на них обязанностей как одной из основных причин, по которым римляне были заинтересованы в сохранении на провинциальных землях сельских общин. Учитывая сказанное, думается, следует признать, что содержащаяся в Пизосской надписи информация, скорее, противоречит мнению о существовании во фракийских селах круговой поруки, чем подтверждает его.

Правда, разумеется, можно предположить, что римские власти собирались учесть изменения, связанные с последствиями эдикта Кв. Сициния Клара, при проведении очередного ценза. Однако представляется примечательным то, что на резкое сокращение численности населения родного села обращают внимание Гордиана III, рассказывая о своих бедствиях, просители из Скаптопары. Долгие годы ее жители не испытывали нужды и исправно платили подати, выполняли прочие предписания: ἀνευδεῖς (или ἀνεδεῖς [см.: 25, с. 309]) τοὺς τε φόρους καὶ τὰ λοιπὰ ἐπιτάγματα συντέλου (IGBR, IV, № 2236, vss. 28–30). Однако со временем ситуация изменилась. Произвол посетителей проводившейся по соседству ярмарки и солдат, которые прибывали в Скаптопару и заставляли ее население бесплатно предоставлять им жилье и провиант, вынудил многих скаптопаренцев покинуть село. Оставшиеся же в родных домах крестьяне умоляют императора пресечь творящееся беззаконие. Только когда порядок будет восстановлен, жители Скаптопары вновь окажутся в состоянии платить «священные подати» и вносить прочие платежи (ibid., vss. 97–99: τοὺς τε ἱεροὺς φόρους καὶ τὰ λοιπὰ τελέσματα παρέχειν διησόμεθα). Если же притеснения не прекратятся, они, как и их односельчане, покинувшие Скаптопару ранее, будут вынуждены бежать из родных мест, и тогда, по словам просителей, казна понесет огромный ущерб (ibid., vss. 92–94: φευξόμεθα ἀπὸ τῶν οἰκείων καὶ μεύιστην ζημίαν τὸ ταμίειον περιβληθήσεται).

Как уже отмечалось, Б. Геров усматривал в этой информации указание на вызванное бегством крестьян уменьшение доходов государства от поступающих из Скаптопары налогов и податей. По мнению исследователя, в условиях коллективной ответственности за их уплату это было бы невозможно. Заметим также, что, согласно буквальному смыслу текста, «казна понесет величайший ущерб» в том случае, если Скаптопару покинут *все* ее жители. Если же произвол незваных гостей села прекратится, то, заверяют просители, оставшись на родной земле, они *смогут* вносить положенные платежи. При этом о возвращении в Скаптопару покинувших ее ранее кометов речь не идет. Выходит, что людей в селе больше не станет, но, тем не менее, его жители окажутся в состоянии выполнять свои обязательства перед государством. Если бы им приходилось платить и за себя, и за бывших односельчан, это вряд ли было бы осуществимо, поскольку из Скаптопары выселилось *множество* крестьян: «И ведь действительно от *большого* числа домохозяев мы дошли до *самого малого* (καὶ γὰρ ὡς ἀληθῶς ἀπὸ πολλῶν οἰκοδεσποτῶν εἰς ἐλαχίστους κατεληλύθαμεν, v.: IGBR, IV, № 2236, vss. 63–66)», — говорится в петиции. Кроме того, в тексте нет никаких указаний на *задолженность* скаптопаренцев по уплате налогов, имевшуюся *к моменту подачи прошения*, хотя можно предположить, что в условиях круговой поруки по мере сокращения населения комы неизбежно должны были накапливаться недоимки. Не исключено, что жители Скаптопары, несмотря на то, что, по сравнению с предшествовавшими временами, их осталось немного, до тех пор, пока постой солдат и посетителей ярмарки не стали невыносимыми, справлялись с возложенными на них обязанностями. Так или иначе, на наш взгляд, содержание петиции скаптопаренцев, как и Пизосская надпись, свидетельствует, скорее, об индивидуальной, чем о коллективной ответственности сельчан Фракии за уплату налогов и несение повинностей.

Итак, известные ныне надписи первых веков н. э. из фракийских земель не подтверждают факт существования круговой поруки крестьянства Нижней Мезии и Фракии. Однако исключать на этом основании *возможность* ее наличия в селах восточнобалканских провинций, очевидно, не следует. Прощения жителей Хорадагей и Скаптопары обнаруживают очевидное сходство с крестьянскими петициями из

других областей римского мира. Анализ их содержания показывает, что сельчане, где бы они ни проживали, сталкивались с однотипными проблемами и пытались решить их сходными средствами [26, с. 58–66; ср.: 27, с. 119]. Данное обстоятельство убедительно свидетельствует о близости тех условий, в которых проживало в эпоху принципата деревенское население фракийских земель, Малой Азии и африканских владений Рима от Египта до Мавретании. Поэтому, восстанавливая картину сельской жизни Фракии и Нижней Мезии, необходимо учитывать и сведения источников по истории крестьянства иных провинций Римской империи.

Судя по содержанию крестьянских прошений первых веков н. э., приводившее к обезлюдению сел бегство крестьян, о котором говорится в жалобах из Скаптопары и Хорадагей, в те времена имело место и в Малой Азии, и в африканских провинциях Рима. Особенно выразительно развивают мысль о возможном бегстве из родных мест арендаторы императорского имения на территории античной Филадельфии в Лидии. В заключительных строках надписи конца II—начала III в.н. э., найденной у совр. Агабейкьой в Турции, они заявляют о своей решимости покинуть «и отцовские очаги (или алтари), и могилы предков» (καὶ ἐστίας πατρῶας καὶ τάφους προγονικῶν), переселившись на частные земли, менее, по словам просителей, подверженные произволу сборщиков налогов (v.: IGBR, IV, p. 223, 3ε, vss. 42–54). О своем желании убежать в такие места, где они смогут жить как свободные люди, сообщают в 181 г. н. э. Коммоду колонны императорского имения в Проконсульской Африке, направившие принципсу прошение, обнаруженное в совр. Газр Мезуаре (CIL, VIII, № 14428).

Особенно широкие масштабы бегство спасавшихся от бремени налогов, повинностей и литургий крестьян приобрело в первых веках н. э. в Египте [28, с. 35, 307–308, прим. 50; 29, с. 20–27; 30, с. 196–197, 201–203], где оно еще в птолемеевские времена получило название ἀναχώρησις [29, с. 19]. Характерно, что и сельчане, и сборщики налогов в своих обращениях к представителям власти и в I, и во II в. н. э. сетуют на то, что в результате сокращения численности населения египетских деревень установленные ранее размеры налогов оказываются для оставшихся жителей непосильными, и в связи с этим просят либо отсрочить внесение положенных платежей, либо уменьшить их [29, с. 21–23; 30, с. 196–197]. Ограничимся здесь одним, но очень показательным в этом отношении примером. В своем прошении, относящемся ко временам правления Марка Аврелия, старосты ряда деревень Мендесийского нома Дельты ходатайствуют о снижении нормы налогообложения, ибо когда она была установлена, села были многолюдны, а впоследствии большинство населения обеднело и покинуло их. При этом, в надежде на позитивное решение вопроса, просители ссылаются на пример других сел округа, оказавшихся в аналогичной ситуации [31, S. 226, № 903]. Такое положение дел могло сложиться только в условиях круговой поруки. Надежным свидетельством ее существования в египетских селах являются такие налоги, как μερισμὸς ἀνακεχωρηκότων и μερισμὸς ἀπόρων, зафиксированные источниками со времен принципата Траяна: исправные деревенские налогоплательщики должны были вносить в казну распределенную между ними сумму недоимок *бежавших* (ἀνακεχωρηκότες) и не способных платить налоги *малоимущих* (ἀπόροι) односельчан [29, с. 19, прим. 3; с. 28, прим. 2; 30, с. 196–197; 32, S. 161; 33, с. 50]. Результаты анализа имеющихся сведений о μερισμὸς ἀνακεχωρηκότων добротны представлены в специальной статье Н. Льюиса [29, с. 19–33]. По его словам, в конце II в. н. э. этот налог, вероятно, уже не взимался, а со времен Септимия Севера египетские крестьяне были обязаны вносить деревенским старейшинам на случай своего бегства денежный залог [29, с. 31]. Заметим, что и этот факт внесения залога потенциальными беглецами свидетельствует о взаимной материальной ответственности односельчан. Прощения же, сходные по со-

держанию и тональности с упомянутыми петициями I–II вв. н. э., египтяне подавали и при Северах [29, с. 23], и в IV в. н. э. [33, с. 57].

Приведенные данные свидетельствуют о круговой поруке сельского населения Египта первых веков н. э. достаточно убедительно. То, что имеющиеся в распоряжении исследователей *прямые* доказательства ее существования относятся, насколько нам известно, исключительно к этой провинции, может объясняться не только ее несомненным своеобразием, но и характерным лишь для Египта обилием документальных папирусов, нередко содержащих информацию, очень скудно представленную иными категориями источников. Учитывая же отмеченное сходство исторических условий, в которых протекала сельская жизнь римских провинций, позволительно предположить, что коллективная ответственность деревенских жителей за уплату налогов и выполнение повинностей не являлась специфически египетским явлением, а была свойственна и, по крайней мере, некоторым другим областям Римской империи. К их числу вполне могли относиться и, видимо, имевшие немало общего с ближневосточными владениями Рима [см.: 27. с. 119–122] фракийские земли, хотя к настоящему времени надежных свидетельств существования круговой поруки там и не обнаружено. Поэтому предположение *о возможности* ее наличия в восточнобалканских провинциях нам представляется *допустимым*. Таким образом, в свете современного состояния источников вопрос о наличии круговой поруки в селах Нижней Мезии и Фракии остается открытым.

Ключевые слова: Фракия, Нижняя Мезия, крестьянство, круговая порука.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Штаерман Е. М.* Еще раз к вопросу о римской сельской общине//ВДИ. — 1978. — № 2.
2. *Голубцова Е. С.* Община, племя, народность в античную эпоху. — М., 1998.
3. *Першиц А. И., Трайде Д.* Община/Социально-экономические отношения и соционормативная культура. — М., 1986.
4. *Корсунский А. Р.* Проблемы аграрного строя и аграрной политики Западной Римской империи (IV–V вв.)//ВДИ. — 1980. — № 2.
5. *Rostovtzeff M.* The Social and Economic History of the Roman Empire. — Oxf., 1957. — Vol. 1.
6. *Штаерман Е. М.* Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. — М., 1957.
7. *Штаерман Е. М.* Мораль и религия угнетенных классов Римской империи (Италия и Западные провинции). — М., 1961.
8. *Златковская Т. Д.* Возникновение государства у фракийцев. VII–V вв. до н. э. — М., 1971.
9. *Велков В.* Поземлени отношения в Мизия и Тракия//История на България. — София, 1979. — Т. 1.
10. *Порожанов К.* История на траките в историята на стария свят. Принципи постановки и проблеми//Минало. — 1996. — Кн. 4.
11. *Мартемьянов А. П.* Сельская община во фракийских землях в первых веках н. э.: итоги и перспективы изучения//Древности, 2005: харьковский историко-археологический ежегодник. — X., 2005.
12. *Stoian I.* O inscripție inedită din Histria. Plângerile țăranilor băștinași de pe teritoriul Histrian împotriva apăsării romane//SCIV. — 1951. — № 2.
13. *Stoian I.* De nouveau sur la plainte des paysans du territoire d’Histria//Dacia. — 1959. — III.

14. *Bărbulescu M.* Viața rurală în Dobrogea romană (sec. I—III p. Chr.). — Constanța, 2001.
15. *Геров Б.* Земевладението в римска Тракия и Мизия (I—III в.)//ГСУ. Факултет по класически и нови филологии. — 1977. — Т. 72. — Кн. 2.
16. *Тачева М.* Тракийските земи в древността. Развитие и разцвет на робовладелското общество. — София, 1987.
17. *Буюклиев Хр., Шаранков Н.* Два новооткрити надписа от Пизос//Епохи. — 2004. — Кн. 1–2.
18. *Геров Б.* Община//Кратка енциклопедия «Тракийска древност». — София, 1993.
19. *Martin A.* Leiturgia//DA. — 1904. — Т. 3. — Р. 2.
20. *Oehler J.* Leiturgie//RE. — 1925. — Hbd. 24.
21. *Древнегреческо-русский словарь*/Сост. И. Х. Дворецкий. — М., 1958. — Т. 1.
22. *Frisch H.* Griechisches etymologisches Wörterbuch. — Heidelberg, 1960. — Bd. 2.
23. *Chantraine P.* Dictionnaire étymologique de la langue Grecque. Histoire des mots. — Р., 1974. — Т. 3.
24. *Greek-English Lexicon/Comp. by H. G. Liddell and R. Scott.* — Oxf., 1996.
25. *Геров Б.* Проучвания върху западнотракийските земи през римско време: Ч. 1 //ГСУ. Филологически факултет. — 1959–1960. — Т. 54. — Кн. 3.
26. *Мартемьянов А. П.* Крестьянские прошения первых веков н. э. из фракийских земель, Малой Азии и Северной Африки: опыт сравнительной характеристики //Древности, 2006–2008: харьковский историко-археологический ежегодник. — Х., 2008.
27. *Свенцицкая И.С.* К вопросу типологической связи Фракии и малоазийских провинций Римской империи//Thracia II: Primus Congressus Studiorum Thracicorum. — Serdicae, 1974.
28. *Ростовцев М. И.* Общество и хозяйство в Римской империи. — М., 2001. — Т. 2.
29. *Льюис Н.* Из истории римского гнета в Египте. ΜΕΡΙΣΜΟΣ ΑΝΑΚΕΧΩΡΗΚΟΤΩΝ□ //ВДИ. — 1939. — № 1.
30. *Ранович А.* Восточные провинции Римской империи в I—III вв. — М.; Л., 1949.
31. *Aegyptische Urkunden aus den Königlichen Museen zu Berlin.* Griechische Urkunden. — В., 1903. — Bd. 3.
32. *Wilcken U.* Griechische Ostraka aus Aegypten und Nubien. Ein Beitrag zur antiken Wirtschaftsgeschichte. — Leipzig; В., 1899. — Vch. 1.
33. *Павловская А. И.* Элементы общинной организации в египетской коме IV в. н. э. //ВДИ. — 1978. — № 4.

Резюме

Мартем'янов О. П. З історії селянства фракійських земель у перших століттях н. е.

Характерною рисою соціально-економічного життя сільського населення Римської імперії прийнято вважати кругову поруку, але на сьогодні її існування для більшості провінцій Риму не є установленим фактом. Стаття присвячена розгляду питання про можливість існування кругової поруки селянства в Нижній Мезії та Фракії. На підставі аналізу відомих написів із Хорадагей, Скаптопари й Пізосу, автор доходить висновку, що у світлі цих текстів наявність кругової поруки селянства східнобалканських провінцій Риму не є очевидною. Разом з тим, залучення аналогічних свідчень з інших провінцій, і перш за все з Єгипту, дозволяє розглядати можливість її існування у перших століттях н. е. у фракійських землях як цілком припустиму.

Ключові слова: Фракія, Нижня Мезія, селянство, кругова порука.

Summary

A. Martemyanov. From the History of the Peasantry of the Thracian Lands in the First Centuries A.D.

The article is devoted to the question about the existence of the mutual responsibility of peasants for the tasks imposed on them in the East Balkan Roman provinces Thrace and Lower Moesia. The author tries to analyse the data concerning it of the well-known inscriptions from *Choradagei*, *Scaptopara* and *Pizos*. The results of this analysis testify that the existence of collective guarantee in the rural settlements of Lower Moesia and Thrace is not obvious. But in the light of the analogies from other provinces of the Roman Empire, and especially from the Egypt, the presence of the collective guarantee of peasantry of the Thracian lands in the first centuries A.D. is seemed possible.

Key words: Thrace (*Thracia*), Lower Moesia (*Moesia Inferior*), peasantry, collective guarantee.

